

Загадка Леблona

Г.В.Мазаев, УралНИИпроект, Екатеринбург

В статье рассматривается первый регулярный план новой столицы России – Санкт-Петербурга, разработанный в 1717 году французским архитектором Ж.-Б. Леблон. Проведено сравнение мнений исследователей об этом проекте. Показаны противоположные оценки плана Леблona – от восторженных до обвинений автора в неумении учесть очевидные местные условия строительства. Такой разброс мнений дал основу для проведения анализа проекта. Проведён топологический анализ плана города на основе сформулированных понятий «город на реке» и «город у реки». Показано, что размещение города на речном расщеплении – частый приём в российском градостроительстве, речное расщепление снижает сплошность планировки в среднем на 22%. Сплошность плана Петербурга всего на 3% ниже средней. Это опровергает традиционное обвинение Леблona в неучёте условий строительства на реке – его проект вполне соответствует топологическому классу «города на реке».

Показано, что Леблон проектировал город-крепость по типу бастионной системы Вобана в соответствии с выбором Петра I. Мнение о том, что города-крепости – это «пройденный этап», опровергается их строительством в России до конца XIX века. Леблон показал прекрасное знание фортификации, используя передовые решения оборонного зодчества.

Анализ градостроительной композиции, разработанной Леблон, его планировочных и композиционных решений, проведённый по авторской методике, построенной на выявлении городских пространств, образующих целостную систему центра, показал её разнообразие, большие возможности в создании парадных столичных архитектурных ансамблей, открытых набережных. Проект Леблona построен на связи города с природой. Наиболее часто отмечаемый «недостаток» проекта Леблona – ограничение возможного роста города, но он видится с позиций знания 300-летней истории города. «Идеальные» проекты городов не предусматривали их роста, а предполагали развитие системы расселения. Леблон разработал проект в традиции своего времени, предложенный им «идеальный» город рассматривался исключительно как центр высшей власти и не должен был расти.

Проведены сравнения планировочных решений проектов Леблona и Трезини, показаны их принципиальные расхождения по базовым принципам разработки двух планов Петербурга.

В статье сделан вывод, что проект Леблona есть образец градостроительства как искусства, создающий новый образ столицы России. Отказ от его реализации определён возобладанием утилитарного отношения к градостроительству как к «нарезке кварталов» – это «победа здравого смысла» над искусством, которая лишила Россию выдающегося произведения градостроительства.

Ключевые слова: градостроительная композиция, «идеальный» город, топологический класс города, тип города-крепости.

The Mystery of Leblon

G.V. Mazaev, UralNIIproekt, Ekaterinburg

The article considers the first regular plan of the new capital of Russia, Saint Petersburg, developed in 1717 by the French architect J.-B. Leblon. The authors compared the researchers' opinions about this project. The opposite assessments of Leblon's plan are shown, from enthusiastic ones to accusations of the author's inability to consider the obvious local conditions of construction. This diversity of opinions provided the basis for the project analysis. The topological analysis of the city plan is carried out based on the formulated concepts "city on the river" and "city by the river". It is shown that placing a city on a river section is a frequent technique in Russian urban planning, river section reduces the continuity of the layout by an average of 22%. The continuity of the plan of St. Petersburg is only 3% lower than the average. This refutes the traditional charge of Leblon's failure to consider the conditions of construction on the river – his project is quite consistent with the topological class of "city on the river".

It is shown that Leblon designed a fortress city based on the Vauban Bastion system following the choice of Peter I. The opinion about the "passed stage" of fortress cities is refuted by their construction in Russia before the end of the XIX century. Leblon showed an excellent knowledge of fortification, using advanced solutions of defense architecture.

The analysis of the urban planning composition developed by Leblon, its planning and compositional solutions, carried out according to the author's method, based on the identification of urban spaces that form an integral system of the center, showed its diversity, great opportunities in creating ceremonial architectural ensembles of the capital, open embankments. The Leblon project is based on the connection of the city with nature. The most frequently noted "drawback" of the Leblon project is the limitation of the possible growth of the city, but it is seen from the perspective of knowledge of the 300-year history of the city. "Ideal" city projects did not provide for their growth, but rather for the development of a settlement system. Leblon developed the project in the tradition of his time, the "ideal" city proposed by him was considered solely as a center of Supreme power and should not grow.

Comparisons of planning solutions of Leblon and Trezini projects are made, and their fundamental differences in the basic principles of the development of the two plans of St. Petersburg are shown.

The article concludes that Leblon's project is an example of urban planning as an art that creates a new image of the capital of Russia. The refusal to implement it is determined by the prevalence of a utilitarian attitude to urban planning as a "cutting of blocks" – this is a "victory of common sense" over art, which deprived Russia of an outstanding work of urban planning.

Keywords: urban composition, "ideal" city, topological class of the city, type of fortress city.

Эту статью следовало написать в 2017 году – к трёхсотлетию первого генерального плана Санкт-Петербурга, разработанного Леблонем. Приурочим её к трёхсотлетию русского регулярного «сознательного градостроительства», по определению В. А. Шкварикова [1].

Коренные преобразования в российском градостроительстве связаны со строительством Санкт-Петербурга. Знаковым событием этого градостроительного периода является разработка в 1717 году французским архитектором Ж-Б. Леблонем первого регулярного плана города. Изучая историю перехода российских городов к регулярным планам, невозможно пройти мимо этого плана, который стал особым явлением не только российского, но и европейского градостроительства. Все триста лет он по-разному оценивается учёными. План Петербурга хранит некую тайну в своих градостроительных решениях, он завораживает исследователя, заставляет пытаться постичь скрытый в нем смысл. Это означает, что план Леблона есть предмет искусства градостроительства, во многом сегодня забытого и заменённого функционализмом. И, как каждый художественный объект, он заставляет нас давать ему собственную оценку.

Вся краткая деятельность Леблона в России имеет весьма противоречивые оценки: от «За два с половиной года он сделал больше, чем иным удавалось за десятилетия. Имя великого зодчего Леблона навсегда останется в первом ряду строителей Петербурга как один из символов архитектурного гения» [2], до «Немногие, получившие осуществление, проекты Леблона... не оказали в дальнейшем влияния на развитие русской архитектуры» [3, с. 154]. Сложно найти другого архитектора, мнения о работе которого были бы столь противоположны. Это относится и к его наиболее значимому проекту – плану новой российской столицы.

Многочисленный, он, не будучи реализованным, до сих пор имеет самые противоречивые оценки. С.В. Семенов отмечает, что в этом проекте «максимально проявились принципы ансамблевости всего города в целом... план стал стратегической программой развития всей российской столицы» [4]. С.П. Луппов характеризует проект Леблона как «отличавшийся надуманностью и формализмом и не учитывающий местных условий» [5, с. 52]. Н.В. и Е.А. Калязины считают, что «...следует отдать должное творческой смелости Леблона, сумевшего... создать единственный в своём роде перспективный план новой столицы» [4]. М.А. Семеновская описывает план Леблона, как «завораживающий своей геометрической правильностью, восходящей к

"идеальным" городам Возрождения, овальный город-крепость», но не реализованный, «так как этот тип города был в России уже пройденным этапом» [4]. В.А. Шквариков отмечает: «Схематичность и упрощённый геометризм плана являются его главными недостатками. Формы овала, квадратов и других простых геометрических фигур, в которых выполнен план, придавая ему подчёркнутую регулярность и строгость, в то же время мало сочетаются с жизненными условиями развития города», и вместе с тем: «Леблоневским планом Санкт-Петербурга, реализовавшим замыслы и идеи Петра I, было положено в России начало сознательному искусству градостроительства» [1, с. 63]. П.А. Тельтевский пишет, что Леблон «составил план города, в котором была воплощена идея Петра I – создание столицы "на воде". План Леблона представлял собой схему идеального города-крепости, отвечал всем требованиям градостроительной и фортификационной науки, которая не учитывала возможностей развития города». «Слабыми сторонами плана были замкнутость, препятствующая естественному росту города» [6, с. 159]. А.В. Бунин относит проект Леблона к регулярным городам-крепостям эпохи Возрождения, которые не имели цитадели, «но возмещали её отсутствием мощными укреплениями, обнимавшими весь город по периметру» [7, с. 381]. Н.А. Евсина видит в проекте Леблона «...идеи регулярности, классицистической упорядоченности, означавшее для автора красоту города» [8]. Приведённые мнения учёных и их оценки проекта Леблона оказываются прямо противоположны. Он характеризуется как «надуманный и формальный» – и как «выполненный в лучших традициях Возрождения»; как «завораживающий геометрией» – и как «отличающийся схематичностью и упрощённой геометрией»; не отвечающий «местным условиям» – и «единственный в своём роде»; «воплощение идеи Петра I» и «творческой смелости Леблона», отвечающий «всем требованиям фортификационной науки» – и «уже пройденный тип города в России»; положивший основы «сознательному искусству градостроительства» – и «не учитывающий возможный рост и развитие города». Но неужели Леблон не понимал очевидную истину – что проектирует город на речном рассечении (но ведь он «делает каналы, шлюзы, доки», значит, знает, что такое вода), которое усложняет «местные условия», ограничивает город системой укреплений и не даёт ему возможности роста? Как-то слабо верится в такое непонимание «мастером из лучших», по определению Петра I.

Удивительно, но проект Трезини, достаточно примитивный по сравнению с проектом Леблона, воспринимается более благосклонно. В этом позволяет убедиться мнение Н.Ф. Гуляницкого, который так оценивал два проекта Санкт-Петербурга – Леблона и Трезини: «Проект Леблона в чём-то следовал общим планировочным принципам трезиниевского проекта, установленным, по-видимому, самим Петром. Это – безусловная регулярность плана, господствующий тип улицы – канала, кольцо укреплений и др. Однако, леблоневский план выгодно отличался от проекта Трезини общим уровнем мастерства композиции, чувством целого и проработкой деталей, умением тонко дифференцировать элементы города по социальным функциям, выразив их художественно.

Между тем, нереальность проекта была очевидна. Прежде всего потому, что план Леблона не учитывал опыта практики строительства самого Петербурга, уже чётко наметившихся здесь градостроительных тенденций и закономерностей. Статичная, восходящая к «идеальным» образцам эпохи Ренессанса схема Леблона, по существу, игнорировала складывающуюся живую «открытую» структуру города, её тесную связь с природой, противопоставляясь ей замкнутостью своей академически завершённой композиции.

Проект Трезини в этом отношении был более жизненным и менее статичным, хотя и не отличался оригинальностью замысла. Его однообразная композиция имела и известные достоинства в общем градостроительном аспекте: она рассматривалась не как самодовлеющий элемент города, а лишь как новый район в общей сложившейся многоцентровой системе города на Неве. Проект Трезини более учитывал значение рек и набережных в формировании облика города. Наконец, однообразная сетка улиц трезиниевского проекта давала возможность относительно гибко использовать территорию под застройку, ввести очерёдность постепенной застройки острова и, тем самым, получать в короткие сроки максимум градостроительного эффекта путём первоочередного строительства зданий на набережных и наиболее важных улицах» [9, с. 175]. В этой длинной цитате отражены практически все «недостатки» плана Леблона и «достоинства» плана Трезини, в той или иной степени рассматриваемые во многих научных работах. Попробуем и мы сравнить два плана: Леблона и Трезини, понять градостроительные решения, их смысл и значение в застройке Васильевского острова, долженствующего быть центром нового города – столицы Российской империи (рис. 1, 2).

Одним из важнейших, если не основным критерием выбора, является тип города, который и определяет всю его композицию и планировочную систему. Н.Ф. Гуляницкий называет Петра I «главным градостроителем» Петербурга: он сам выработывал основные требования к новому городу [10]. «Город на воде» – идея и требование, бесспорно, Петра I. Они связаны с застройкой Амстердама и Венеции, которые демонстрировали возможность подобного градостроительного решения, слож-

ного, но дающего немало выгод. Не случайно Петр I называл свою столицу «новым Амстердамом». Воплощение этой идеи дал Леблон: он создал именно «город на воде», а не «город у воды», коих в России было множество. Важно определить разницу понятий: «город на воде» и «город у воды». Первый тип города включает реку в свою планировочную систему, делая ее важнейшим, определяющим всю планировочную структуру элементом города. Будучи природным рассечением, река снижает сплошность и связность планировки. Второй тип города расположен на берегу реки, для него она внешний, а не внутренний планировочный фактор. Река в этом случае не нарушает целостность планировочной структуры города. В результате возникают принципиально разные планировки: с рассечением и без него. Такие города относятся к различным топологическим классам, вследствие чего их планировочные системы не могут сравниваться, также невозможно «перевести» одну из них в другую [11]. Этот закон развития планировочных систем городов определяет разницу между вариантами планировки Санкт-Петербурга, предложенными Леблоном и Трезини. Леблон спроектировал «город на воде», в котором Нева является частью его планировки. Трезини предложил «город у воды», так как, по его варианту, застройка Васильевского острова изолирована от реки. Размещённая на острове между двумя рукавами Невы, она ничего, кроме сложности доступа, от реки не получает. Поэтому Трезини надо было копать каналы, чтобы ввести реку в город, что можно было сделать, если бы город размещался не на острове, а на берегу Невы. Трезини поместил обычный «город у реки» на остров. Следствием двух типов городов различных топологических классов стала принципиальная разница их планировок. «Город на реке» Леблона содержит сложное рассечение, что привело к делению планировки на три части и снижению её сплошности и связности. Город Трезини имеет целостную планировку. Видимо, эта визуальная разница двух топологических классов городов и вызывает у многих исследователей отрицание планировки Леблона и одобрение планировки Трезини.

Идея «города на реке», расположенного на речных рассечениях, вовсе не чужда российскому градостроительству. Она

Рис. 1. План Санкт-Петербурга. Архитектор Ж.-Б. Леблон. 1717 год

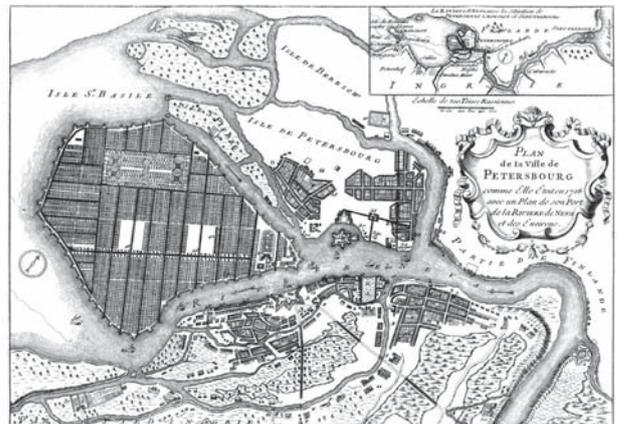

Рис. 2. План Санкт-Петербурга. Архитектор Д. Трезини. 1716 год

неоднократно разрабатывалась в градостроительстве XVIII – начала XIX века, назовём только города Бежецк, Калязин, Псков, Зубцов (из различных регионов России), хотя в практике их значительно больше. Рассечения в их планировке физически меньше, чем в Петербурге, но и масштаб городов и их возможности иные, нежели в столице империи. Проведём сравнения этих городов с Петербургом по показателям сплошности плана, что определяет влияние рассечения на планировочную систему города. Поясним этот количественный топологический показатель. При включении в планировку города крупных рассечений в границах города возникают так называемые «дырки» – участки, застройка которых становится невозможной. В результате снижаются характеристики целостности и связности его планировочной системы, что может быть выражено коэффициентом сплошности: отношением фактически застроенной территории (с исключением «дырок») к общей площади города в его границах. Чем больше в планировке «дырок», тем ниже значение коэффициента сплошности, тем больше влияние на планировку города оказывает рассечение. Анализ планировок упомянутых городов с крупными рассечениями приведён ниже в табличной форме и на рисунке 3.

Анализ показывает, что в рассмотренных городах речное рассечение, включённое в их планировку, снижает сплошность в среднем на 22%. Сплошность плана Петербурга всего

на 3% ниже средней, она весьма близка к сплошности плана провинциальных городов Бежецка и Калязина. Можно заключить, что традиционные обвинения Леблона в «не учёте местных условий» – эмоции, не подтверждаемые расчётом. Планировка, созданная Леблоном, вполне укладывается в рамки значений сплошности для топологического класса «городов на реке», и у него не было оснований считать её реализацию не отвечающей «местным условиям» – самодержавная воля Петра I была залогом такой реализации. Пётр I хотел видеть «город на воде», и Леблон разработал проект города вполне в духе русского градостроительства.

Леблон, как и Трезини, бесспорно проектировал город-крепость. Д.С. Шемелина указывает, что Леблон опирался на разработки великого военного инженера и градостроителя маршала Франции Себастьяна Вобана (1633–1707) и при проектировании города «использовал третью систему Вобана», так называемую «ней-бризакскую» по названию города Ней-Бризак, строительство которого было начато Вобаном в 1698 году [12, с.13]. Его оборону составляет развитая система бастионов по периметру города. Этот тип города не мог не быть согласован с Петром I, который хорошо знал труды Вобана по фортификации. Леблон и Пётр I руководствовались не устаревшими образцами крепостного строительства Ренессанса, а самыми передовыми идеями, которые в дальнейшем использовались ещё более полутора столетий. Несомненно выбор города-крепости бастионного типа был выбором Петра I, а не Леблона. Не согласимся с утверждением М.А. Сементовской о «пройденном этапе» городов-крепостей, которое опровергается фактом строительства в России по системе Вобана: Омской крепости (1722), города-завода-крепости Екатеринбурга (1723), Выборга (1794), города-крепости Моздока (1822) и Кизляра (1822).

Большинство российских городов до середины XIX века имели границы в виде земляных валов, а бастионные крепости строили вплоть до начала XX века, они с успехом применялись в Первой мировой войне.

Леблон, судя по его французским проектам, был архитектором сугубо гражданским, но Санкт-Петербург проектировал не просто как крепость, но как суперкрепость. Внешняя линия укреплений состояла из тридцати трёх бастионов, внутри которых размещались здания казарм, образующие вторую линию защиты города. Бастионы были разделены двумя линиями каналов, снабжённых шлюзами (бастион мог быть затоплен, если бы им овладел неприятель).

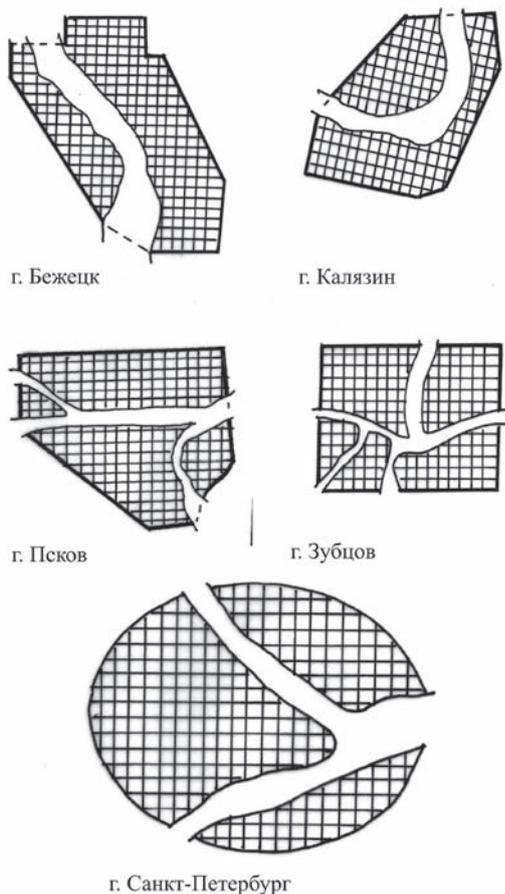

Рис. 3. Схемы планов российских городов «на воде». Рисунок Г.В. Мазаева

Таблица 1

Город	Площадь (в условных единицах)			К сплошности ± к среднему
	Площадь плана	Площадь застройки	Площадь «дырки»	
Бежецк	2300	1740	560	0,76/-0,02
Калязин	1800	1400	400	0,78/±0
Зубцов	2000	1620	380	0,80/+0,02
Псков	2200	1800	400	0,82/+0,04
Петербург	3000	2250	750	0,75/-0,03
Среднее				0,78

За линией защитных каналов располагались артиллерийские позиции с безопасно расположенными пороховыми погребами. Леблон не предполагал застраивать западную часть Васильевского острова, оставив эту территорию свободной. Это обеспечивало защиту от артиллерии вражеского флота, который мог прорваться в Финский залив. Болотистая часть острова, мало подходящая для высадки морского десанта, обеспечивала природную защиту города. Враг оказывался под огнём десяти бастионов, которые сами были вне досягаемости его корабельной артиллерии. Ресурсы островного расположения города использованы Леблоном в полной мере. Трезини же предлагал застроить территорию Васильевского острова целиком, при таком планировочном решении вся западная часть города оказывалась незащищённой. Общие принципы оборонительной системы, применённой Леблоном и Трезини, различны. Леблон использует передовую систему Вобана, Трезини строит по периметру города давно устаревшую стену. Стена не может противостоять артиллерии, земляные бастионы Вобана разрушить нельзя. Трезини предлагает крепость устаревшего типа, Леблон – современную крепость бастионного типа. Это позволяет не согласиться с утверждением, что «мирному развитию Петербурга уже ничто не мешало, поэтому Петром I было принято решение пригласить не *фортификатора*, как Доминико Трезини, а одного из лучших строителей *гражданской архитектуры*» (курсив мой. – М.Г.) [2]. Леблон показал прекрасные знания фортификации и умело их применил при разработке плана Петербурга, превзойдя фортификатора Трезини.

Н.Ф. Гуляницкий «упрекает» Леблона в том, что он не учитывал тенденции развития Петербурга и складывающуюся многоцентричность города. Не согласимся с этим – план Леблона предполагает осваивать территорию трёх островов, создавая на них самостоятельные планировочные композиции застройки. Трезини ничего не предлагает за пределами Васильевского острова. Именно Леблон учитывает многоцентричность города, включает начавшие застраиваться территории в границы своего проекта. Естественно, он предлагает изменение их планировки, но ничего особо затратного в этом нет – они были застроены домами мазанкового типа.

Выбор места размещения города также играет определяющую роль. Леблон и Трезини располагали город на Васильевском острове, но их решения принципиально различны. Трезини использовал только территорию Васильевского острова, отделив его от остальных участков города линией оборонительных укреплений. В его плане это полностью изолированная планировочная система, в которой «остров» и «столица» – синонимы, он создаёт замкнутый «монокомплекс», не связанный с уже существующей застройкой города. Леблон сместил город выше по течению Невы, охватив его границами три острова, что давало потенциальную возможность «выхода» за пределы крепости на новые территории. В плане Трезини центр города, расположенный на Стрелке Васильевского острова, находится фактически на окраине, в плане Леблона Стрелка занимает центральное положение. Леблон предусмотрел также два моста, которые существуют и по сей день, связывающие все три планировочные части города. Им пред-

ложена система гаваней, обеспечивающих водные связи между ними. Леблон вовсе не стремился к полной изоляции города и не рассматривал город-крепость Петербург как нечто «законсервированное» в своих границах: за их пределами он разместил жильё для «подлого люда», сады и огороды, обеспечивающие город продовольствием, скотобойни, госпитали и богадельни, кладбища, мастерские. Ко времени приезда Леблона застройка города уже выходила за границы предложенного им плана, вокруг города размещались многочисленные дворцы Петра I и петербургской знати. Леблон не мог не видеть этого и должен был понимать, что территориальное развитие города продолжится.

В плане Трезини Нева существует как природная данность, не связанная с планировкой города, в плане Леблона река вошла в планировочную систему города, став её частью. Улицы застройки Васильевского острова в проекте Трезини упираются в береговые укрепления, лишая город возможности создания набережных, в плане Леблона они выходят к акватории Невы и имеют по периметру островов целостную систему набережных. Город Трезини изолирован от реки, город Леблона – «город на реке», – использует все её возможности и создаёт речные фасады города. Поэтому город Леблона выглядит свободным, он имеет «внутреннюю открытость», в отличие от тесного города Трезини. Размещение на трёх островных территориях дало необычайно широкие возможности для создания открытых архитектурных ансамблей в отличие от замкнутого «в себе» города Трезини. Не согласимся с мнением Н.Ф. Гуляницкого, что Леблон не учитывал в планировке города связь с природой, а Трезини придавал большое значение реке. Все происходило наоборот, что прямо видно из планов Леблона и Трезини.

Принципиально различаются и системы городской планировки. У Трезини нет чётко выявленного центра, задающего градостроительную композицию. Планировка построена на однообразных планировочных единицах с такой же однообразной застройкой типовыми домами. Это город купцов и мастеровых, удобный для деления кварталов между ремесленными гильдиями. Но это не город – столица новой европейской империи, в нём нет статусности и планировочной возможности создания парадных городских ансамблей. Город Трезини – «новый Амстердам», скромный протестантский город без излишеств и столичного блеска. Город Леблона – имперская столица с королевским размахом.

Нами проведён анализ градостроительной композиции города Леблона по авторской методике, построенной на выявлении городских пространств, связанных главными улицами и образующих непрерывную планировочную систему центра. Обычно в плане выделяют планировочные элементы – кварталы застройки. Их обилие нивелирует восприятие общественных пространств. «Трансформированный» план становится «негативным» изображением планировки, которое представляет композицию во всей её полноте (рис. 4).

План Леблона построен по регулярной квадратной сетке в каждой из трёх частей города, но все композиции разные. Наиболее развита композиция планировки Васильевского острова.

Центральное место в ней занимает большая квадратная в плане зона, образованная пересечением четырёх главных улиц и зафиксированная по углам четырьмя одинаковыми площадями. Ещё четыре улицы идут по осям этого квадрата к его центру, в котором расположен дворец императора. Эта планировка закреплена внутренним малым квадратом улиц, углы которого так же фиксированы площадями круглой формы. Движение к центру усилено четырьмя диагоналями, связывающими по две площади. Диагональная планировка выделяет зону Центра из всей планировочной системы, образует движение ко дворцу Императора – главному объекту столицы. Важные элементы планировки – четыре площади с размещёнными на них культовыми зданиями четырёх религиозных конфессий. Одинаковость размеров и планировок этих площадей подчёркивает равенство конфессий в новой империи, а прямые планировочные связи с дворцом показывают их устремлённость к высшей власти, покровительство империи. Планировка Центра на Васильевском острове приобрела глубокое символическое значение, она выражает идею равенства и братства всех людей, независимо от их религии. Такого нет в планировках ни одной европейской столицы, в которых различные конфессии, как правило, образуют изолированные анклавы.

Леблон выделяет улицы различной ширины и планировочной категории, чего нет в планировке Трезини, где все улицы-каналы одинаковые. Это позволяет структурировать пространство и организовать движение. Леблон вводит в планировку большое число круглых площадей различного размера, каждая планировочная единица застройки имеет свою площадь – общественный центр. Различны размеры и формы жилых кварталов, что позволяет использовать их для различных типов застройки. Фактически

Леблон создаёт уровневую систему обслуживания города. Ничего подобного нет в плане Трезини, построенном механически, в нём вообще центральные элементы планировочно не выделены.

Планировка Петроградского острова решена Леблоном в тех же планировочных принципах и модулях, что и планировка Васильевского острова. Выглядит она проще, но и здесь две улицы обрамляют систему площадей. Главная улица района проходит через всю застройку, объединяя четыре площади в форме развёрнутых квадратов. Четыре улицы, выходящие к набережной Невы, расположены в створе улиц и площадей Васильевского острова, что обеспечивает потенциальную возможность повышения связности планировочных систем, расположенных на различных берегах Малой Невы. Леблон даёт возможность развития планировки города, и сегодня примерно в этих местах располагается Тучков мост.

В застройке левого берега Большой Невы Леблон практически ничего не меняет в сложившейся планировке, где главный элемент – Адмиралтейство, не предполагает размещать здесь дворцы, рассматривая эту территорию как своего рода производственную, но и она вписана в модульную сетку планировки города.

Санкт-Петербург Леблона – вовсе не город эпохи Возрождения, по мнению А.В. Бунина. Геометрия плана Петербурга стоит особняком в градостроительстве Европы, не повторяя «идеальности» форм городов Возрождения, но совершенствуя и развивая планировки городов нового времени, многие приёмы планировки которых вошли в арсенал градостроительства XIX века. Леблон создаёт планировочную систему – целостную и в то же время разнообразную, учитывающую

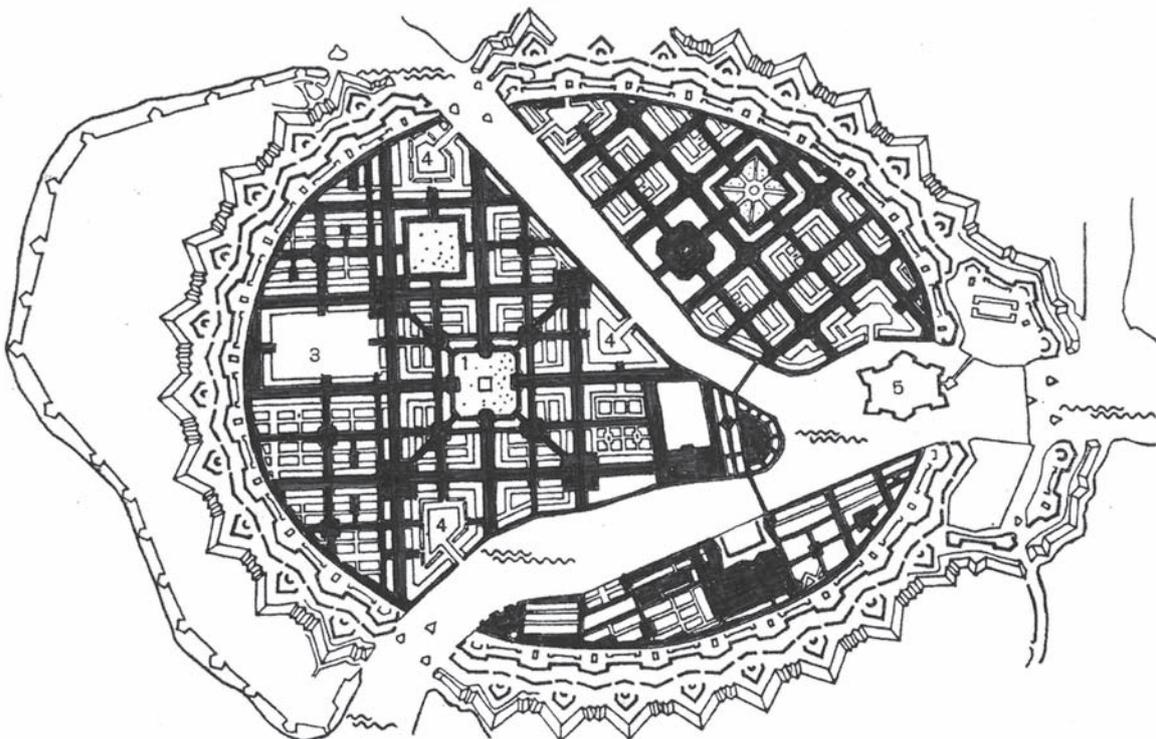

Рис. 4. Схема градостроительной композиции плана Санкт-Петербурга архитектора Леблона. Рисунок Г.В. Мазаева

особенности территории. Она подчинена идее верховенства высшей власти, это уникальный комплекс города-столицы.

Не обосновано мнение Н.Ф. Гуляницкого о том, что сетка улиц в плане Трезини давала возможность «гибкого использования» территории. Застройка по его плану могла идти только последовательно: застраиваться должны два берега «улицы-канала», поэтому её композиция безусловно линейная, что и было позднее воплощено в однообразных «улицах-линиях». Никакой иной очередности застройки у Трезини быть не может, как и первоочередной застройки набережных: все кварталы выходят к линии береговых укреплений короткой торцевой стороной, не формирующей сколько-нибудь значимый архитектурный ансамбль. Напротив, в плане Леблон выделяются кварталы с возможностью застройки различными типами жилья, ясный городской центр и две главные улицы позволяют сформировать очереди застройки. Исключение Леблоном застройки в западной части Васильевского острова значительно сократило экономические затраты на освоение этой самой сложной заболоченной территории – это ли не учёт «местных условий»; сокращены общий объём застройки и число жителей, что облегчает обслуживание и коммуникации острова с другими частями города. Да и вся оборонительная инфраструктура города рассредоточена по трём островам, что упрощает её строительство.

Наиболее распространенный «упрёк» Леблону – в ограничении возможности роста города, окружённого защитной системой, но почему-то он не раздаётся в адрес плана Трезини. Мы показали, что, разместив Петербург на трёх островах, Леблон дал городу возможность роста, а Трезини – нет. Но вопрос роста города за пределами установленных ему границ Леблон не волновал, как и других градостроителей Европы, создававших «идеальные» города. «Идеальный» город не мог и не должен был расти – этим была бы нарушена его «идеальность». Принцип «идеальности» предусматривал не рост города, а развитие системы расселения. Поэтому упрёк в невозможности роста Петербурга Леблон явно не заслужил. Отметим, что многие «идеальные» города Европы благополучно существуют уже четыреста лет, сохраняя неизменной свою планировку. Назовём всем хорошо известную и неоднократно опубликованную Пальму Нуову, чешский Терезин и сам вобановский Неф-Бризак. Да и в момент их создания, как и в 1717 году при разработке Леблоном плана Петербурга, никто не предполагал их бурный рост. Этот «недостаток» плана Леблон видится с позиций сегодняшнего дня и знания 300-летней истории города.

Предложенный им «идеальный» город рассматривался исключительно как центр размещения высшей власти, в котором сосредоточены центры управления, парадные ансамбли. Предположим, что Леблон создавал новый столичный город как «супер-Кремль», некий аналог Кремлю московскому, который был и остаётся особым отдельным городом, предназначенным только для размещения власти. Московский Кремль, будучи планировочным, смысловым и идеологическим центром плана Москвы, несмотря на принципиально иную планировку, нежели сам город, за века своего существования не слился с ним, сохранил свою целостность и идентичность, собственную систему управления. Поэтому и

Петербург – «суперкремль» новой российской власти вполне мог пройти тот же исторический путь, стать «Петербургским Кремлём», не мешая территориальному развитию самого города, сохраняя ядро Центра в неизменном виде, и в разросшемся Петербурге этот исторический город выполнял бы функции цитадели.

* * *

Ничего нереализуемого в проекте Леблон не было. На плане 1925 года Васильевский остров застроен на две трети, но не по плану Леблон, а «линиями», больше похожими на план Трезини. Причину этого С.С. Бронштейн традиционно видит в нереальности проекта Леблон, который «...не был связан с традициями русского градостроительства и был составлен без учёта экономических возможностей тогдашней России. Созданный без знания русской жизни, этот проект был совершенно нереален... Проекты, приписываемые Трезини, не требовали для своего осуществления непосильных затрат и грандиозных работ» [9, с. 222]. Но мы показали, что это не так: план Леблон был вполне в русской традиции строительства «городов на реке», он не требовал обязательного устройства каналов, был рассредоточен на трёх территориях, что облегчало организацию работ, не предусматривал освоение заболоченной западной части Васильевского острова. По плану Трезини были застроены именно те его территории, которые и предусматривал Леблон. Но регулярные «линии» Трезини, повторяющие застройку протестанских городов Голландии, вовсе не свойственны российскому градостроительству. Главное заключение С.С. Бронштейна: «Примитивность решения задачи ставит эти проекты (Трезини. – М.Г.) по существу *вне градостроительства как искусства* (курсив мой. – М.Г.), но они были осуществимы» [9, с. 222]. Этот вывод по сути определяет существо всей проблемы: возобладало примитивно-утилитарное отношение к градостроительству как к «...простейшей нарезке почти однотипных кварталов», «победившее» градостроительство как искусство. И это была первая, но далеко не последняя «победа здравого смысла» над искусством в отечественном градостроительстве».

Чудесное определение «идеальному» городу дал Г. Арган: «Идеальный город всегда существует внутри или под городом реальным, отличный от него, как мир мысли от мира фактов». Отсюда и невероятная трудность разработки и создания в реальности «идеальных» городов – это задача материализации мысли, идеального представления о городе. Но мысль создаёт один человек, а реализуют город и живут в нём многие, что всегда вызывает несовпадение мыслей и представлений. В этом вечные причины конфликта градостроителя и жителя города, и в этом же вечная ценность градостроительства, постоянно решающего одну и ту же задачу – создание идеального города для идеального человека. Леблон мыслил создать «вдвойне идеальный» город, в котором идеальная мысль о создании гармоничного общества была бы выражена в идеальных градостроительных формах. Он создал проект такого города, но не смог добиться его реализации, для чего требовалось понимание и желание власти, да и просто больше времени. Ах, если бы генеральные планы городов не менялись при каждой смене власти!

Литература

1. Шквариков В.А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века / В.А. Шквариков. – М. : Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1939. – 255 с.

2. Леблон Ж. [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Леблон> (дата обращения 22.10.2019).

3. Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы / Под ред. академика И. Э. Грабаря. – М. : Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1954. – 414 с.

4. Ершова С.А. Генеральные планы Санкт-Петербурга 1703–2013 / С.А. Ершова. – СПб : Питер.ру, 2014. – 500 с.

5. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века / С.П. Луппов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 190 с.

6. Тельтевский П.А. Архитектура 1700-х – 1750-х гг. / П.А. Тельтевский // Всеобщая история архитектуры. Т.6. Архитектура России, Украины и Белоруссии XIV – первая половина XIX вв. – М. : Стройиздат, 1968. – С. 156–191.

7. Бунин А.В. История градостроительного искусства. Т.1 Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма / А.В. Бунин. – М. : Стройиздат, 1979. – 385 с.

8. Евсина Н.А. Архитектурная теория в России XVIII в. / Н.А. Евсина. – М. : Наука, 1975. – 261 с.

9. Гуляницкий Н.Ф. Петербург первой половины и середины XVIII в. / Н.Ф. Гуляницкий // Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX в. / РААСН, НИИТАГ. – М. : Стройиздат, 1995. – 402 с.

10. Гуляницкий Н.Ф. XVIII век в русской архитектуре (эпоха, стиль, градостроительный метод) / Н.Ф. Гуляницкий // Архитектурное наследие. – 1995. – Вып. 38. – С. 61–82.

11. Мазаев Г.В. Прогнозирование вероятностного развития градостроительных систем : Учебное пособие / Г.В. Мазаев. – Екатеринбург : УралГАХА, 2005. – 112 с.

12. Шемелина Д.С. Вобан и Россия / Д.С. Шемелина // Academia. Архитектура и строительство. – 2008. – № 4. – С. 11–17.

References

1. Shkvarikov V.A. Planirovka gorodov Rossii XVIII i nachala XIX veka [Planning of Russian cities of the XVIII and early XIX centuries]. Moscow, Publishing House of the All-Union Academy of Architecture Publ., 1939, 255 p.

2. Leblon Zh. [Leblon J]. *Vikipediya* [Wikipedia]. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Leblon> (Accessed 22.10.2019).

3. Russkaya arkhitektura pervoi poloviny XVIII veka. Issledovaniya i materialy, Pod red. akademika I.E. Grabarya [Academician I.E. Grabar (ed.). Russian architecture of the first half of the XVIII century. Research and Materials]. Moscow, State Publishing House of Literature on Construction and Architecture Publ., 1954, 414 p.

4. Ershova S.A. General'nye plany Sankt-Peterburga 1703–2013 [Master plans of St. Petersburg 1703–2013]. St. Petersburg, Piter.ru Publ., 2014, 500 p.

5. Luppov S.P. Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka [The history of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the XVIII century]. Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, 190 p.

6. Tel'tevskii P.A. Arkhitektura 1700-kh – 1750-kh gg. [Architecture of the 1700s – 1750s]. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury. T.6. Arkhitektura Rossii, Ukrainy i Belorussii XIV – pervaya polovina XIX vv.* [General History of Architecture. Vol. 6. The architecture of Russia, Ukraine and Belarus XIV – the first half of the XIX centuries.]. Moscow, Stroizdat Publ., 1968, pp. 156–191.

7. Bunin A.V. Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. T.1 Gradostroitel'stvo rabovladel'cheskogo stroya i feodalizma [History of urban art. Vol.1 Urban planning of the slave system and feudalism]. Moscow, Stroizdat Publ., 1979, 385 p.

8. Evsina N.A. Arkhitekturnaya teoriya v Rossii XVIII v. [Architectural theory in Russia of the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 261 p.

9. Gulyanitskii N.F. Peterburg pervoi poloviny i serediny XVIII v. [Petersburg of the first half and middle of the 18th century]. *Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo. Peterburg i drugie novye rossiiskie goroda XVIII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian town-planning art. Petersburg and other new Russian cities of the XVIII – first half of the XIX century]. Moscow, Stroizdat Publ., 1995, 402 [1] p.

10. Gulyanitskii N.F. XVIII vek v russkoi arkhitekture (epokha, stil', gradostroitel'nyi metod) [XVIII century in Russian architecture (era, style, urban planning method)]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage], 1995, Iss. 38, pp. 61–82.

11. Mazaev G.V. Prognozirovaniye veroyatnostnogo razvitiya gradostroitel'nykh sistem [Prediction of the probabilistic development of urban planning systems : Textbook]. Ekaterinburg, UralGAKhA Publ., 2005, 112 p.

12. Shemelina D.S. Voban i Rossiya [Vauban and Russia]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and construction], 2008, no. № 4, pp. 11–17.

Мазаев Григорий Васильевич (Екатеринбург). Кандидат архитектуры, профессор, академик РААСН. Главный градостроитель филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект (620075, Екатеринбург, просп. Ленина, 50а. УралНИИпроект). Эл.почта: mail@uniip.ru.

Mazaev Grigory V. (Yekaterinburg). Candidate of Architecture, Academician of RAACS. Chief Urban Planner at the UralNIIProekt (50a Lenin ave., Yekaterinburg, 620075. UralNIIProekt), branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (TsNIIP). E-mail: mail@uniip.ru.